

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В
СКАЗЕ И. ЕРМАКОВА "ГОЛУБАЯ СТРЕКОЗА"

Важной особенностью сказового жанра является ведение повествования от лица рассказчика, чаще всего непосредственного свидетеля описываемых им событий. Образ рассказчика нередко приближен к образу автора. Так, рассказчики Ермакова, как правило, его современники, люди, прошедшие войну и много за свою жизнь пережившие. Вместе с тем у И. Ермакова /что вообще характерно для сказа/ нет стождествления автора и рассказчика. Ермаковский повествователь – житель деревни, издавна в ней живущий и говорящий на одном языке с односельчанами. Речь такого рассказчика, литературная в своей основе, выразительна и своеобразна. Рассказчик говорит о людях, хорошо ему знакомых, он способен прогнозировать поведение людей, "читать" их мысли. "Волки побывали! – мелькнула у него догадка." "Меченый? Ну и что? Меченого-то картеча, что ли, не возьмет?" Рассказчик может быть действующим лицом в собственном сказе /"О чем шептал олененок"/, однако в большинстве случаев он выступает как наблюдатель, не акцентируя внимание слушателей на своих действиях и поступках, а просто описывая события, комментируя их и выражая свое отношение к происходящему. Именно образ рассказчика в первую очередь обращает на себя внимание исследователей сказа; форма же изображения персонажей напрямую зависит от образа рассказчика, от его стиля, от его отношения к тому или иному персонажу, т.е. портреты действующих лиц даны с субъективной точки зрения, и потому задача характеристики персонажа представляется вторичной, что, однако, не дает повода ее не учитывать.

Сказ "Голубая стрекозка" снабжен подзаголовком "сказка-быль". Здесь мы встречаем персонажей "реальных" и сказочных: это лесничий Берестышко и скворец Дразнило, мальчик Ермек и Береза-Ведунья. Мир реальный и сказочный отграничены друг от друга. Мальчик, заблудившийся в лесу, чувствует себя одиноким. "Поешь, детка, оступи жадну, отдохни," – шепчет ему лес. Но Ермек не замечает лесной доброты. Ты придавил его, маленького, зеленый великан... Тебе ли, могучему, бурестойкому, понять, каким голеньким трепетным комочком мечется между твоими стволами пятилетняя жизнь". Вместе с тем

реальная и сказочная стихии сказа тесно связаны. Здесь имеет место не просто традиционное фольклорное одушевление неодушевленного, но и конкретные взаимоотношения персонажей с миром природы. Следует подчеркнуть, что оценка рассказчиком того или иного персонажа напрямую зависит от его отношения к сказке.

В "Голубой стрекозке" четыре основных действующих лица* — лесничий Берестышко, лесоруб Галим, его внук Ермек и браконьер Филька Казненный Нос. Другие персонажи появляются эпизодически и даны лишь несколькими штрихами — без детализации. Введение в сказ нового персонажа чаще всего начинается с портретной характеристики. Такие характеристики обычно лаконичны и не отличаются нейтральностью: рассказчик, отмечая ту или иную черту внешности действующего лица, заявляет — прямо или опосредованно — о своем отношении к тому, о ком он говорит.

Берестышко — "легонький, сухонький, востропятый. Идет он по белоствольному раздолю, и не враз ты его от берез отличишь. "Японский" глаз ушурен, а живой, голубенький, незамутимой радостью вокруг себя брызжет. Борода у Берестышки в клинышек свелена, а усы — саморостом, как им любо, так и распушиваются. Нос широкий и в подвысь смотрит. Через это лицо у Берестышки всегда удивленное и по-ребячьи доверчивое".

Галим: "Богатырь человек! Всегда он улыбается, посмеивается. Зубы что у двадцатипятилетнего сверкают — ни один не нарушен. Ихнее дело — бодрый дух у собеседника поддерживать: "Беседуй, мол, беседуй. Очень хорошо беседуешь".

При всем внешнем несхождении Берестышки и Галима, при разности их профессий эти люди во многом схожи. Автор обращает внимание на их доброжелательность к людям и вообще к миру живой природы. Оба смотрят на мир с улыбкой и радостью. Они сами — часть этой природы: Берестышку "не враз от берез отличишь", а Галим "с зайцами разговаривать может".

Для образа же Фильки рассказчик не находит соответствия в окружающей природе. Во всем его облике есть нечто неестественное. Филька "учит свою бороду вперед торчать", так как хочет походить на пирата. Он напоминает неведомую хищную птицу: "В наших лесах таких и не водится". Впрочем, повествователь считает возможным сравнить Фильку с филином — и не случайно имя этого персонажа

* Речь идет о персонажах "реальных", а не сказочных.

созвучно названию птицы. Браконьер Филька ведет себя подобно филину, ночному охотнику на беззащитную лесную живность. Он разбойничает втайне и умело прячется от чужих глаз. В портретном описании рассказчик намекает, что Филька — хищник более опасный, чем филин /"Уж больно крутой заклев у носа. Круче, чем у Филина"/.

Что касается Ермека, то рассказчик не дает ему своей портретной характеристики, а описывает его через "речь" зайца-кояна, которую передает внуку Галим. Образ Ермека как бы дан в восприятии самой природы. Для мальчика сказка вполне реальна. Он ест сухие лепешки и пьет горькое лекарство только потому, что их прислал ему заяц. Пытаясь поговорить с этим зайцем, Ермак уходит в лес, и лес внимательно и доброжелательно смотрит на мальчика, который "ищет Сказку".

Говоря о речевых характеристиках персонажей "Толубой стрекозки", отметим, что в сказе выявляется несколько речевых планов. Речь всех действующих лиц мы "слышим" из уст рассказчика, а образ рассказчика, в свою очередь, создан самим автором. Эта речь не может не быть в целом однородной в языковом отношении; вместе с тем речь персонажей обладает некоторыми индивидуальными признаками.

Речь Берестышки мы "слышим" в нескольких ситуациях: беседа с детьми о своем детстве, разговоры с "лесонарушителями", дезертирами и т.д. Тема этих разговоров неизменна: необходимость бережного отношения к родной земле. Рассказывая детям о своем детстве, якобы проведенном в гнезде скворца, Берестышко выступает в роли мудрого сказачного деда, для которого сказка является реальностью. В его речи сравнительно невелика доля нейтральных элементов. В данной речевой ситуации их объем /на уровне лексики/ лишь вдвое превышает объем элементов разговорного типа "несмышленны", "врогомось", "шарится" и др. Зачастую наблюдается нагнетание разговорных форм: "Еле-то еле совладали они вытянуть меня", "Подхватил /коршун/ за рубашонку и потащил в гнездо свое коршунячье, коршунят своих, большеротых обжор, полакомить задумал". Обращает на себя внимание обильное употребление форм с уменьшительно-ласкательными суффиксами /"сестренка", "оцелко", "цветочек", "детушки"/, что, однако, не создает впечатления "приторности" повествования, поскольку с такими словами нередко соседствуют речевые элементы иного плана: "за волоси сгреб", "так храплю, что в облаках дырки просвистываются".

В речи Берестышки немало фольклорных элементов на уровне как лексики, так и грамматики и синтаксиса: "Посиротила их хищная зверь-рысь, поприела ихних детушек скворчаток". Речь героя эмоциональна, напевна, раскованна. Она остается таковой и в беседе с порубщиками, с которыми лесничий говорит о красоте родной земли.

Яркая разговорная окраска отличает синтаксис повествования. Для него характерны повторы однородных /простых глагольных/ сказуемых, употребление разговорных форм сказуемых /"плакали они, плакали", "давай честить", "совладали вытащить"/, сочетания в одном предложении разновременных глагольных форм /"вытер слезу, высморкался и говорит"/, значительная доля бесподлежащих предложений. Синтаксис разнообразен, встречаются предложения разных типов /кроме односоставных неопределенно-личных и номинативных/. Предложения нередко распространены многочисленными второстепенными членами. Употреблено немало параллельных конструкций, способствующих ритмической организации речи.

Речь Берестышки практически свободна от грубых слов и выражений. Лишь однажды им употреблено слово с резко негативной оценкой — "вызверок". Слово адресовано Фильке, которого Берестышко ловит на месте преступления. В подобных ситуациях речь Берестышки становится лаконичной и подчеркнута эмоциональной.

Берестышко является выразителем авторского мироощущения^{*}, его любви ко всему живому. Это доказывает сходство его речи с авторской в области лексики, грамматики и синтаксиса. Эта близость особенно заметна в тех случаях, когда рассказчик как бы своими словами передает речь Берестышки: "И тут к такому разговору подойдет... Родная мать, мол, песенки над твоей колыбелькой пела, сладким молоком вскармливала... а стоило тебе сделать первый шаг, как вторая мать — земля ласковая — подошвы твои розовые целовать принялась".

Речи Галима Сабтаганова на страницах произведения отводится небольшое место — это прежде всего несколько диалогов с внуком Еремком. От речи Берестышки ее отличает скупость употребления разговорных элементов. Разговорность проявляется главным образом на синтаксическом уровне, в то время как объем разговорной лексики исчерпывается лишь несколькими единицами. Следует отметить и

* В данном сказе образ рассказчика тесно сближается с образом самого автора.

сдержанность употребления фольклорных элементов /отмечены лишь в ситуации передачи Галимом речи лосихи/.

Подобное несходство речевых планов Берестышки и Галима объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, если Берестышко - главный герой сказки-были - живет в этой сказке, а сказка, в свою очередь, живет в его речи, то Галим - при всей симпатии к нему автора-рассказчика - живет в мире реальном, а сказка является для него прежде всего способом общения с внуком. Галим придумывает говорящего зайца-кояна, который посылает Ермеку приветы и гостинцы из лесу. Образ кояна Галим часто использует "с целью" - например, чтобы отвлечь внука от мысли покататься на лосенке или заставить выпить лекарство. Сказка для него прежде всего игра, в чем он впоследствии и признается: "Да разве зайцы разговаривают? Ведь я тебе вместо сказки это рассказывал!". Берестышко обладает незаурядным талантом сказочника: "Возьмет самый заурядный случай и в такие узоры его изукрасит, так быль с выдумкой переплетет, что только сили да побрякивай. И мухомор, и пчела, и окуневый глаз, и кукушкино яйцо - все у него на свои особые голоса заговорит". В историях Галима обычно один герой и небольшой набор ситуаций.

Во-вторых, если для Берестышки русский язык является родным и глубоко близким, то казах Галим, что вполне объяснимо, не владеет им столь же виртуозно, как Берестышко. Отметим, что в произведении есть косвенные указания на данную причину. Улыбка Галима при разговоре как будто говорит собеседнику: "Беседуй, мол, беседуй. Очень хорошо беседуешь". Неточный выбор глагола указывает на недостаточное владение персонажа языковой нормой.

Речь Ермека представлена в сказе еще более скупо, чем речь его деда. Это односложные диалоги с Галимом /в одном из них мальчик задает вопросы, в другом - отвечает на вопросы деда/, безответные обращения к зайцу и к лосю Кырмуруну. У речи Ермека есть лишь те особенности, которые свойственны детской речи в целом: начало вопросительных предложений с союза А /"А где...", "А... как", "А откуда...", "А кто..."/, полнота двусоставных предложений и др. Речь Ермека лишена индивидуальных характерных черт, и это оправдано: Ермек для рассказчика - прежде всего маленький мальчик, который пошел в лес за сказочным зайцем. И для окружающего его лесного мира он именно мальчик - наивный, бесхитростный - и безмятный.

Речевая характеристика Фильки - Казненного Носа столь же колоритна, как и его¹⁷ внешность. Во всех речевых ситуациях, связанных с этим персонажем /диалоги с Берестышкой, с судьей, с членами полевой бригады, а также внутренние монологи/. Филька выступает как носитель сниженной формы речи. Его речь изобилует многообразными нарушениями литературных норм. В ряде случаев наблюдается искажение фонетического облика слова: "чичас", "притча", "азият", "сничтожить", "не собчил", "дак". Деформируется словообразовательная структура: "слазивай", "напутиваюсь", "обнадейся", "присмыкающая", "кусила". Изменяется род существительных: "Какой принцесс потерялся", "из-за него, из-за малекула". Значительное место в этой речи занимает разговорная, просторечная, диалектная лексика и фразеология: "хвороба", "почекрыжил", "стервы", "заглотить", "покозлеватей", "ить", "нть", "ни бельмеса", "ни бум-бум" и под. В нескольких случаях отмечается неточный выбор слова: "Вот ить что обозначает "волос долго", "Как бы первобытный человек я произошел". Фраза может включать в себя сразу несколько подобных элементов: "Как увидел его замест лоса - все печеня сомтели"; "Шкуру обснял, перо стеребил - замест куры либо кроля съешь". Синтаксис примитивен, отличается краткостью, рубленностью фразы: "Уж ты поднажмешь! Куда там..." и под. В предложениях, в отличие, например, от речи Берестышки, почти нет определений.

Говоря неграмотно и коряво, Казненный Нос не прочь щегольнуть книжным словом, которое в его речи претерпевает значительные метаморфозы: "Тут на меня гипмозг напади", - объясняет он в суде причину убийства коз и тут же поясняет значение слова: "Ну, значит, азарт такой, охотничий"; "Борьба, значит, за сучествование" и др. Грудная жаба в интерпретации Фильки превращена в живое существо: "В прошлом году доктора там у меня жабу уследили - не иначе, это она распоросилась". Для подобной речи весьма характерны стилистические перебои типа: "Государственную задачу брось и шастай, вздеря башку, по лесу".

Речь Фильки с ее утрированной безграмотностью и грубостью представляет полную противоположность речи Берестышки. Контрастирует и внешность этих персонажей, и их характеры, поступки, отношение к людям. Речь лесничего - с излюбленным обращением "голубок", выражающим доброжелательность к человеку, с обилием ласко-

вых слов, речь красивая и напевная — не имеет ничего общего с той грубой просторечной стихией, что мы находим в речи "погубителя". Берестышко обычно обращается к человеку как к брату, сыну общей матери — земли, и речь его является отражением такого отношения. Филька же смотрит на других свысока, что не декларируется, но угадывается в отдельных репликах типа "Вас не научи да обнадейся", "Скажи, что лень вперед нас родилась!". Иногда и Филька употребляет ласковые слова: он, как и Берестышко, любит бывать в лесу, но с ружьем, и при этом "мурчит ласковые слова: Лес мой, кормилец... батюшка... благодетель...". В его устах такие слова звучат зловеще, и лес "боится хоть одним своим зеленым листочком увидеть Филькину улыбку".

Следует отметить, что речь персонажей вводится в повествование по-разному. Берестышко "окинет их /детей/ ласковым голубеньким глазком и поведет", "примется удостоверять", "разведет руками", "спросит", "говорит", "звонко крикнул". Филька же вступает в разговор следующим образом: "разнахрапился", "расквасился", "зашарился глазами по народу", "забыл квохтать", "запривскакивал", "запередразнивал", "заехидничал", "окрысился". Нейтральные же формы типа "говорит" единичны.

Речь двух других персонажей отличается значительно меньшей яркостью и характерностью, чем речь Берестышки и Фильки. Отношение автора-рассказчика к Галиму и Ермеку оказывается более сдержанным. Речь деда и внука практически мало чем отличается от "обычной" речи, которая может звучать в подобных ситуациях, и не обладает специфическим набором характерных признаков. Что же касается Берестышки и Фильки, то речь каждого из них может показаться несколько утрированной, особенно речь Казненного Носа, включающая в себя многочисленные и разнообразные отклонения от нормы. Однако, на наш взгляд, в этом следует видеть не упущение, а заслугу автора. Галим рассказывает сказку, Ермек сказку ищет — но оба они вполне реальны, и ни их внешность, ни их речь не выделяются так ярко, как сделано это автором в отношении главных действующих лиц. Берестышко и Филька — фигуры значительно большего масштаба и значимости. Берестышко гармонирует с его любимым березовым лесом, сказочным лесом, и речь его так же красива, как и мир природы. Образ Берестышки символичен, как и образ его антипода Фильки — человека с пугающей внешностью и столь же пугающей

речью. Вместе с тем это живые, реальные образы, выписанные автором ярко и выразительно.

Л. Ю. Астахина

КАРТОТЕКА ДРС - ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Картотека ДРС /древнерусского словаря/ ведет свое начало с 1925 г., когда акад. А.И.Соболевский обратился в Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук /ОРЯС/ с предложением создать картотеку материалов, извлеченных из памятников письменности. Он считал необходимым продолжать работу по созданию исторического словаря, начатую акад. И.И.Срезневским в "Материалах для словаря древнерусского языка", публикация которых закончилась в 1912 г. Это должна быть картотека словаря как церковнославянского, так и древнерусского языка, т.е. извлечения из памятников письменности, составленных или переведенных не позднее XIV в. по спискам XI-XIII вв. Отдельно предполагалось накапливать материалы для словаря древнего церковнославянского языка. Также была поставлена задача отобрать материалы для словаря "старого языка Московской Руси по памятникам литературы, законодательства, делопроизводства XV-XIII вв." /1/, оригинальным и переводным. И, наконец, по мысли А.И.Соболевского, мог быть решен вопрос о картотеке материалов старого языка Польско-Литовской Руси XIV-XIII вв.

В октябре 1925 г. ОРЯС образует "Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку" во главе с А.И.Соболевским.

Состояние любой картотеки, развитие и пополнение ее фондов связано в значительной мере с задачами словаря, который предполагается составлять на ее материалах. Задачи же русской исторической лексикографии за время существования картотеки ДРС /далее - КДРС/ неоднократно изменялись /2/, что отразилось на ее содержании. Ныне ее фонд приближается к 2 млн. карточек-цитат из различных памятников русской письменности XI-XIII вв.

Большой объем и значительных хронологический охват способствовал изменению роли этой картотеки в науке о языке. Она стала не только базой исторического словаря /в 1975-1993 гг. вышло 18 выпускников Словаря русского языка XI-XIII вв., буквы А-П/, но и своего рода справочным центром для ученых, работающих над про-